

Предисловие

ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ИСТОРИИ, включенные в этот сборник, не содержат кровавых и безнравственных сцен, а также эпизодов, связанных с мщением, которыми перенасыщена японская литература для юношества. Я очень старательно избегал их.

Кроме того, эти истории показаны в большей степени с художественной, чем с литературной точки зрения: при отборе меня интересовало именно творчество, плоды японской фантазии. С самого первого момента знакомства с японской молодежью (а оно состоялось двенадцать лет назад) я страстно любил слушать устные истории, которые рассказывают у очага. Позже, когда я жил почти четыре года среди японцев, я воочию увидел в японском искусстве невиданное изобилие фантазии, богатство литературных, исторических и прочих аллюзий, каламбуров, мифов и загадок, героики, чудес и легенд; и я сразу же начал искать источник идей, выраженных в бронзе и фарфоре, запечатленных на лакированных шкафчиках, веерах и даже на салфетках из гофрированной бумаги и на мешочках для всякой всячины. Ино-

гда мне удавалось обнаружить источники фантазии художников в книгах, а иной раз — в устных историях обычных людей или профессиональных сказителей. Некоторые из сказок я сначала «прочитал» в татуировках на ногах, руках или торсах местных бегунов, другие я впервые заметил на табличках-картинках уличных выставок цветов в Токио. В этом сборнике читатель найдет как переводы, выжимки из больших книг, огромных романов, так и несколько зарисовок самого автора, воплощающих японские мысли, верования и суеверия. Мне кажется, я обращался с этим материалом ничуть не более вольно, чем это делает современный сказатель из Токио, рассказывая свои истории в американской гостиной, а не с возвышения, увешанного бамбуковыми занавесками, в Янаги Чо (Ивовая улица) в столице Микадо.

Некоторые из историй были известны в Англии и раньше, но большая их часть печатается в первый раз. И лишь немногие появлялись в газете «Индепендент» (*The Independent*) и других периодических изданиях.

В надежде, что эти безобидные истории, будящие воображение японских детей на протяжении бесчисленного количества поколений, порадуют также взрослых и маленьких американцев, писатель приглашает читателей словами хозяина-японца, когда тот указывает на палочки и затем на стол: «*O agari nasai*» («Пожалуйста, заходите!»).

У.Э.Г.,

г. Скенектади, штат Нью-Йорк,

28 сентября 1880 г.

Встреча звездных влюбленных

ОДНОЙ из величайших дат календаря Древней Японии было седьмое июля, или, как говорили японцы, «седьмой день седьмого месяца». Этот день помечался ярко-красным, и у каждого ребенка в ожидании его горели глаза, он хлопал в ладоши и считал, загибая пальцы: ведь каждый вечер приближал этот день. И вот в доме уже приготовлены все фрукты и овощи, испечены все пироги. Мальчики нарезали бамбуковые стебли и привязали к ним яркие ленты, звенящие колокольчики и длинные полоски бумаги с написанными на них стихами. Этой ночью матери просят, чтобы их дети были богатыми, счастливыми и добрыми, а также мудрыми. Девочки же часто высказывают пожелание стать искусными швеями. Но в год можно загадать лишь одно желание. А потому, если кто хочет много: здоровья, богатства, мастерства в шитье, мудрости и т. д., — то ему придется

ждать долгие годы, прежде чем он получит все задуманное. А еще в этот день лучше бы не было дождя. Хорошим знаком считалось, если паук сплел свою паутину на поверхности дыни или, будучи помещенным в коробку, он выткал там круглое «полотно». А причиной всех этих приготовлений являлось то, что седьмого июля юноша-звезда Пастух и девушка-звезда Ткачиха пересекают Млечный Путь, чтобы встретиться друг с другом. Мы называем эти звезды Козерог и Альфа из созвездия Лиры. Сияя высоко-высоко, они похожи на молодого человека с быком и девушку с челноком. В сказке так говорится о них.

* * *

На берегах Серебряной Небесной Реки (мы называем ее Млечный Путь) жила-была прекрасная девушка — дочь солнца. Ее звали Сокуйо (Танабата). В отличие от подружек она не интересовалась играми и развлечениями и, не думая о пустых нарядах, носила лишь самые простые платья. Однако, будучи очень трудолюбивой, она шила множество одежд для других. Она была так занята все время, что все называли ее Ткачихой, или Принцессой-пряхой.

Король-солнце знал о серьезности и необычном характере дочери и потому пытался как-то развлечь ее. Наконец он решил выдать ее замуж. Поскольку о браках в звездной стране обычно договариваются родители, а не глупые влюбленные парни и девуш-

ки, он, не посоветовавшись с дочерью, сделал все необходимые приготовления сам. Молодого человека, которому король-солнце решил отдать руку своей дочери, звали Кингин; он владел стадом коров, пасшихся на берегах небесного ручья. Живя на той же стороне реки, он всегда был хорошим соседом, и потому отец считал, что он станет ему добрым зятем, а время смягчит нрав и привычки его дочери.

Однако не успела девушка стать женой, как ее нрав и привычки сильно изменились к худшему, и отцу пришлось столкнуться с тем, что называется *tadashiku suguru* (тадасику сугуру — «через край»). Жена сделалась не просто живой и веселой, но еще и совершенно забросила нитку и иголку. Целыми днями и ночами она развлекалась и бездельничала, и ни один глупый влюбленный не смог сравниться с ней в сумасбродстве.

От всего этого король-солнце пришел в страшное раздражение, начал во всем винить ее мужа и задумал разлучить супругов. Так, он приказал зятю переехать на другую сторону реки звезд и сказал, что отныне мужчина будет видеться с женой только раз в год, в седьмую ночь седьмого месяца. Чтобы построить мост над морем звезд, король-солнце созвал тучи сорок; они прилетели на его зов и образовали мост из своих крыльев и спинок, будто это была настоящая дорога на твердой земле. И вот, помахав плачущей жене на прощание, любящий муж

печально направился на другую сторону Небесной Реки. Но не успел он ступить на противоположный берег, как сороки разлетелись — лишь их болтовня слышалась в небесах. Долго-долго любящий муж и плачущая жена стояли и с тоской глядели друг на друга издали. Затем они разошлись: он — пасти своего быка, а она — долгими часами прилежно шить, склонившись над работой. Так проходил день за днем, и король-солнце снова радовался трудолюбию дочери.

Но когда опускалась ночь и зажигались небесные светила, влюбленные приходили на берег звездной реки и долго стояли там, не отрывая глаз друг от друга и ожидая седьмой ночи седьмого месяца.

Назначенное время приближалось, и любящая жена боялась лишь одного. Всякий раз, когда она думала об этом, ее сердце начинало биться все быстрее и быстрее. А что, если будет дождь? Ведь Небесная Река и так полна до краев: еще одна капля — и начнется наводнение, которое смывает птичий мост.

Но ни одной капли не пролилось. Наступил седьмой месяц и седьмая ночь, и небо было ясным. Мириады сорок с радостными криками слетелись к реке и выстроили узенький мостик — только для крошечной женской ступни. Дрожа от радости и слыша, как громкие удары ее сердца заглушают даже птичий гомон, она перешла через Небесную Реку и оказалась в объятиях мужа. И так повторя-

лось из года в год. Любящий муж стоял на своем берегу реки, а жена шла к нему по мостику из сорок, боясь, как бы не случилось дождя. И вот так каждый год люди надеются на хорошую погоду, а праздник счастья отмечается и старым, и малым.

Путешествия двух лягушек

НА РАССТОЯНИИ сорока миль (64 км), которые пролетают журавли, стоят два великих города — Осака и Киото. Один из них — город каналов и мостов. На его улицах идет оживленная торговля, а по водным путям туда-сюда снуют лодки, словно деревянные челноки в ткацком станке. Второй же является священным городом империи Микадо; он опоясан зелеными холмами и девятью кругами цветов. На его тихих чистых улицах, разложенных, будто шахматная доска, гуляют выбритые монахи и одетые в мантии студенты. Ах, как красив Киото с его прекрасными девушками, храмовыми садами, замковыми стенами, башнями и крепостными рвами, в которых цветут белые лотосы!

Давным-давно, в старые добрые времена, еще до того, как мужчины с волосатыми лицами и бледными щеками пришли из-за Моря Великого Мира

(Тихий океан) в Японию; еще до того, как грохочущий двигатель, испускающий черный угольный дым, начал пугать белоснежных цапель на рисовых полях; еще до того, как черные вороны и драчливые воробьи, не боясь человека, уселись на телеграфные провода; еще до того, как люди впервые только подумали о железной дороге, жили-были две лягушки: одна — в колодце в Киото, а другая — в лотосовом пруду в Осаке.

На Земле Богов (в Японии) все знают поговорку о том, что «лягушке в колодце неведом великий океан»; и киотская лягушка так часто слышала эти обидные слова от девушек, которые приходили к колодцу с ведрами, висящими на бамбуковой палке, чтобы набрать воды, что решила поехать за границу и повидать мир, особенно *tai kai* (тай кай — великий океан).

— Увижу своими глазами, — сказал мистер Ляг, проверяя бумажник и протирая очки, — что это за великий океан, о котором все говорят. Держу пари, что он и вполтину не такой глубокий и широкий, как мой колодец, где я даже днем вижу звезды.

А правда состояла в том, что недавнее землетрясение изрядно уменьшило глубину колодца, и он сильно обмелел. Мистер Ляг сообщил семье о своих намерениях. Миссис Ляг сначала разрыдалась, но затем, промокнув глаза бумажным платочком, объявила, что будет на пальцах считать часы до возвращения супруга и всякий раз во время завтрака

и ужина ставить на стол тарелку и приборы и для него — будто он дома. Она наполнила маленькую лакированную коробочку вареным рисом и улитками — ему в дорогу — и завернула ее в шелковую салфетку; положила запас одежды в узелок и повесила его мужу на спину. Завязав веревочку от узелка на шее, он схватил вещи и приготовился отправиться в путь.

— *Sayonara* (Сайонара — До свидания), — воскликнул он со слезами на глазах и ушел прочь.

— *Sayonara. Oshidzukani* (Сайонара. Осидзукани — До свидания. Не беги), — проквкала миссис Ляг, и вся лягушачья семья хором поддержала ее.

Два лягушонка были еще малышами, головастиками с хвостиками в полдьюма, и, конечно, их пока что для переноски привязывали на спину к старшим братьям.

Выбравшись из колодца на землю, мистер Ляг заметил, что другие животные не прыгают, а ходят ногами. И, не желая показаться чудачком, он тоже начал бодро передвигаться либо прямо, либо опираясь на все четыре конечности.

Между тем случилось так, что в то же самое время отец семейства, лягушка из Осаки, вдруг ощутил какие-то беспокойство и неудовлетворенность своей жизнью на краю лотосового рва. И он решил «вывести львенка в долину».

— Ничего себе! Какое хвастовство для лягушки! — воскликнет читатель. — Что это значит?

Я должен сказать вам, что осакская лягушка была философом. Прямо на берегу лotosового пруда располагался монастырь, где жили буддийские монахи, которые каждый день изучали священные свитки и погружались в чтение книг Конфуция, желая выучить их. Наша лягушка слышала эти тексты так часто, что могла (конечно, на лягушачьем языке) повторить мудрые изречения и исполняемые речитативом ответы на вечерние молитвы от имени великого идола бога Амида. Действительно, отец-лягушка так часто был свидетелем споров о тех или иных отрывках из классики, что и сам сделался мудрецом и философом. Однако, как гласит поговорка, «мудрец не бывает счастливым».

А почему? Несмотря на бережок из мягкой грязи, обилие зеленой ряски и застоявшейся воды, тенистые листья лотоса, упитанную жену и многочисленную семью — словом, все то, что делает лягушку счастливой, лоб, а скорее живот, отца-лягушки покрывался морщинами из-за того, что он долгое время бился над решением таких запутанных проблем, как, например следующее.

Монахи часто приходят на берег пруда, чтобы посмотреть на розово-белый лотос. Однажды в летний день, когда маленький лягушонок, только-только миновавший стадию головастика, когда у него еще оставался небольшой кусочек хвостика, сидел, наслаждаясь теплом, на огромном круглом листе, один монах сказал другому:

— На какие мысли он тебя наводит?

— Лягушонок не может стать никем, кроме лягушки, — сказала, рассмеявшись, бритая макушка.

— А ты как думаешь?

— Белые цветы лотоса проклеиваются из черной грязи, — важно ответил другой, когда они оба уходили.

Старая лягушка, сидящая поблизости, подслушала их разговор и начала философствовать:

— Гм-м! Лягушонок не может стать никем, кроме лягушки, да? Но если грязь становится лотосом, почему лягушка не может стать человеком? Почему? Мне вот интересно, если мой любимый сынок поедет за границу и повидает мир — отправится в Киото, например, — почему бы ему не сделаться таким мудрым, как эти бритоголовые люди? В любом случае надо попробовать. Отправлю-ка я своего сыночка в путешествие в Киото. «Выведу львенка в долину» (то есть пошлю любимого сына в путешествие — повидать мир и поучиться) скорее. Пожертвую собой ради отпрыска.

«Плюх! Клюх!» — разнеслось в воде, и пара перепончатых лапок исчезла. «Львенок», выслушав множество отцовских наставлений и советов о том, что нельзя попадаться в клюв длинноногому аисту и что нужно обходить невежливов людей и мальчишек, так и норовящих пришибить тебя камнем, был готов отправиться в путь.

— *Kio ni no inaka* (Кио ни но инака — Даже в столице есть невежды и грубияны), — сказал отец-лягушка.

Вот как получилось, что старый лягух из Киото и «львенок» из Осаки вышли каждый из своего дома в одно и то же время. Ничего примечательного с ними не произошло, и удача сопутствовала им до тех пор, пока они не встретились на холме у Хашимото, что как раз на полпути между двумя городами. Оба натерли лапки и перепонки, оба устали и особенно натрудили бедра, поскольку пытались не прыгать, как положено лягушке и как они это делали раньше, а двигаться в несвойственной им манере.

— *Ohio godzaimasu* (Охаё годзаимас — Доброе утро), — сказал «львенок», опустившись на четыре конечности и трижды наклонив голову к земле, стараясь при этом, скосив левый глаз, посмотреть, отвечает ли другая лягушка должным образом на его приветствие.

— *He, konnichi wa* (Хе, конничи ва — Да, здравствуйте), — произнесла в ответ лягушка из Киото.

— *O tenki* (О тенки — Сегодня славный денек), — заметил лягушонок.

— *He, yoi tenki godzence* (Хе, ёи тенки годзенс — Да, очень славный), — ответил взрослый лягух.

— Я Гаматаро из Осаки, старший сын Хики Дона, сэнсэя Но Ками (Лорда Лягушки-быка, принца Лотосовой канавы).

— Ваша светлость, вы, должно быть, утомились в путешествии. Я Кайеру-сан Идомитцу (сэр Ляг из Колодца) в Киото. Я отправился посмотреть на великий океан из Осаки, но должен вам сказать, что

мои бедра так смертельно устали, что мне уже хочется оставить эту затею и удовлетвориться видом с этого холма.

На самом деле, чтобы посмотреть на Осаку, взрослой лягушке пришлось бы встать не просто на задние лапки, а на какие-нибудь высокие ходули, но лягушонок так устал, что поверил бы чему угодно. Между тем мистер Ляг, вытерев лицо, произнес:

— Давайте избежим проблем, связанных с дальнейшей дорогой. Этот холм расположен на половине пути между двумя городами, и если я вижу Осаку и море, значит, вы можете взглянуть на Кио (то есть столицу, или Киото).

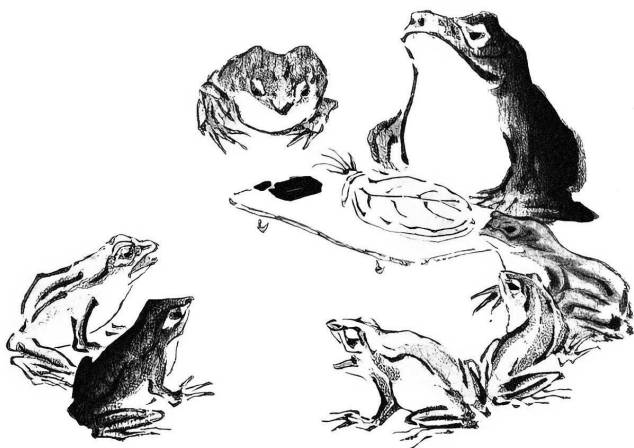
— Отличная мысль! — заметил лягушонок из Осаки.

Они оба поднялись на задние лапки и даже встали на цыпочки — тельце к тельцу, шея к шее, стараясь смотреть поверх голов друг друга, пуча глаза и пристально глядя туда, где, по их предположениям, находилось то место, которое каждый из них хотел увидеть. Всем известно, что глаза у лягушки оказываются в передней части головы, когда она садится, и в задней, когда она встает. Ну, точно компас на подвесе.

Они долго вглядывались вдаль, пока наконец не устали кончики лапок и лягушки не опустили на четыре конечности.

— Хочу заявить, — сказал старый *yaze* (язе — папаша), — что Осака выглядит точь-в-точь как Киото. А что касается великого океана, о котором толкова-

ли глупые девицы, то я не вижу ничего, если они, конечно, не имели в виду ту тоненькую полоску реки, похожую на Йодо¹. Не верю я ни в какой великий океан!

— А я со своей стороны, — заявил «львенок», — считаю дальнейшее путешествие большой глупостью, поскольку Киото и Осака похожи, как зернышки риса. — И затем он пробормотал себе под нос: — Старый Тотцу-сан (мой отец) со всей своей философией просто дурак.

На сем они поздравили друг друга со счастливым завершением трудной экспедиции, которую представляли в мыслях долгим путешествием, полным трудностей и опасностей. Обменявшись многочисленными комплиментами, они расстались и, перей-

¹ Главная река префектуры Осака — *прим. переводчика.*

дя опять на лягушачьи прыжки, поспешили снова преодолеть свои полпути: один — к своему колодцу, а другой — к пруду. Каждый из них рассказал о том, что оба города совершенно одинаковы, и это наглядно доказывает глупость тех, кого называют людьми. А что до старого джентльмена из лотосового пруда, так он был так рад возвращению «львенка», что больше никогда не пытался разобраться в философских проблемах. И до наших дней лягушка в колодце не знает никакого «великого океана» и не верит в его существование. И до сих пор лягушата не становятся никем, кроме как лягушками. Все же это напрасный труд — учить земноводных философии, поскольку это то же самое, что «плескать воду в лягушачью физиономию». Однако из черной грязи проклевываются великолепные белые лотосы; небесно-чистые, они раскрывают свои лепестки — без единого пятнышка — и подставляют их улыбающимся небесам, будучи символом жизни и возрождения.